

8. Шульская О.В. *Глаза и очи* в русской поэзии XX в. // Проблемы структурной лингвистики. М. : Наука, 1986. С. 127–140.

9. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // *Вопр. языкознания*. 1998. №3. С. 43–73.

1. Vinogradov V.V. *Yazyik Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyika*. M. – L. : Academia, 1935.

2. Vinokur G.O. *Nasledstvo XVIII v. v stihotvornom yazyike Pushkina* // *Izbrannye raboty po russkomu yazyiku*. M. : Uchpedgiz, 1955. S. 328–387.

3. Dzents N.I., Perevyshina I.R., Koshkarov V.A. *Teoriya i praktika perevoda*. SPb., 2007.

4. Zubova L.V. *Stilistika i semantika nepolnoglasiya v poezii Marinyi Tsvetaevoy* // *Yazyik i tekst : mezhvuz. sb.* SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1998. S. 203–216.

5. Zubova L.V. *Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyika*. M. : Nov. lit. obozrenie, 2000.

6. Ilinskaya I.S. *Iz istorii slavyanizmov v poeticheskoy rechi pervoy poloviny XIX v.* // *Obrazovanie novoy stilistiki russkogo yazyika v pushkinskuyu epohu*. M. : Nauka, 1964. S. 167–224.

7. Kutina L.L. *Istoricheskaya povest N.M. Karamzina «Marfa Posadnitsa, ili Pokorenie Novgoroda»: stilisticheskie nablyudeniya* // *Ocherki po stilistike russkikh literaturno-hudozhestvennykh nauchnykh proizvedeniy XVIII v. – nachala XIX v.* SPb. : Nauka, 1994. S. 63–75.

8. Shulskaya O.V. *Glaza i ochi v russkoy poezii XX v.* // *Problemy strukturnoy lingvistiki*. M. : Nauka, 1986. S. 127–140.

9. Yakovleva E.S. *O ponyatii «kulturnaya pamyat» v primenenii k semantike slova* // *Vopr. yazyikoznaniya*. 1998. №3. S. 43–73.

“Eyes” and “mouth” in the history of the Russian poetry and their translations into the Kazakh language

There is traced the evolution of the poetic words “eyes” and “mouth” in the history of the Russian poetry, summarized the works devoted to the research of the poetic language. Based on the translations of the poetic works by A.S. Pushkin there are considered the ways of translation of the stylistically marked archaisms into the Kazakh language and the possibility of keeping their semantic and stylistic peculiarity.

Key words: “eyes”, “mouth”, poetic word, descriptive translation, stylistic mark, the Russian language, the Kazakh language.

(Статья поступила в редакцию 17.12.2013)

Л.У. ТАРИЕВА
(Магас)

ФУНКЦИИ СУФФИКСИДОВ В ПРОЦЕССЕ РЕЧЕТВОРЧЕСТВА

Рассматривается один из типов аффиксоидов, возникающих в результате частичной десемантизации компонента композиции. Показано, как аффиксоиды участвуют в речетворческом процессе, обуславливая продуктивный тип деривации в ингушском языке.

Ключевые слова: аффиксоид, суффиксоид, пропозиция, дериватема, морфоид, аддитивная модель.

Деривация [5], интерпретированная с точки зрения *folcs semantics*, может многое объяснить в номинации языковых единиц и генерации инноваций с точки зрения синхронии и диахронии. Г.А. Климов и А.В. Бондарко обозначают содержательно-ориентированные исследования как приоритетные и указывают на системную организацию лексики, или структуру строевой лексики, т.е. на семантическую организацию лексических единиц [1; 2; 4].

Функционально-семантическая характеристика «дериватем» [10] ингушского языка обнаруживает речемыслительные приоритеты, задействованные носителем естественного языка при производстве новых слов. В деривационный континуум ингушского адвекта отдельным пластом включается номенклатура аффиксоидных наречий, и в связи с этим исследование прагматического аспекта языковых средств, избираемых языковым сознанием в процессе словотворчества, вскрывает мотивы возникновения аффиксоидных дериватем в ингушском языке.

Особенностью функционирования аффиксоидов [15], или «субаффиксов» [7], или «полуаффиксов» [11], в ингушском языке является их генерация на фоне композитных образований с достаточно прозрачным структурно-семантическим членением:

1) *цленга хъа* (двинуться к дому) – *цленгахъӑ* (к дому) – *цленгахъӑ* (у дома, возле дома, к дому);

2) *эрсаш ха* (узнавать (изучать) русских) – *эрсашх̆а* (изучить русских) – *эрсашх̆а* (порусски);

3) *курал ла* (выдерживать гордость) – *кураллӑ* (чтобы гордиться) – *кураллӑ* (из-за гордости).

Коммуникативная регулярность употребления словосочетаний подобного типа обуславливает их словосложение, в пределах которого одна (финальная часть) экстрадирует в клитику на базе просодемического преобразования.

Аффиксоиды, квалифицируемые как морфемы, сохраняют структурную общность с семантически изоморфными автономными словами:

1) *селаиха халхар* (танец по-аварски) – *Илма х* (изучать (узнавать) науку);

2) *хлеттехъа* (только-только (вот сейчас)) – *хлетте хъа* (шевелись уже сейчас);

3) *кастталаиха цлавоагла* (вскорости придет) – *кастталаи ха* (узнавать, изучать скорости) и др.;

4) *дехарых (а)/долга* (букв. «уходить в долги») – *тика тла аха (ух)* (ходить в магазин);

5) *дехарийла / в долг* (букв. «выдерживать (терпеть) долги») – *дукхадар ла* (многое выдерживать, терпеть).

В приведенных иллюстрациях аффиксоиды *-ха, -хъа, -ах(а), -ла* функционируют в языке наряду с самостоятельными словами в нефинитной (*-ха* (узнавать, знать), *хъа* (сдвинуться, шевельнуться), *аха* (ходить), *ла* (терпеть)) и финитной (*ховра дувца* (говорить о том, что знаешь), *сона хайнад* (я узнал) и др.) формах в препозиции (*ха деза* (надо знать)), постпозиции (*Деррига ха* (знать все)), интерпозиции (*шеддар ха лаьрхла* (все узнать решив)).

Исторически (вторая половина XX в.) стало традиционным дифференцировать аффиксоиды на префиксоиды и суффиксоиды. К первым относятся корневые морфемы, коррелирующие с одноименными самостоятельными единицами в функции префиксов (ср.: *дла отта* (встать там) и *длаотта* (пристроиться, встать); *Лоа вода* (идет там ниже) и *Ловода* (спускается), *хъалла вода* (идет там вверх) и *хъалвода* (поднимается)); ко вторым – корневые морфемы, употребляемые в функции суффиксов.

Префиксоиды в ингушском языке менее подвержены внутриморфемным изменениям, чем суффиксоиды, хотя не исключены фузийные процессы, когда на морфемном шве, например (*Ловвода*), совпадают консонанты, один из которых полностью редуцируется (ср.: *Лов вода* (там идет ниже) и *Ловода* (спускается)), или когда выпадает конечная часть исторически производной основы (*хъал + ла* (букв. «выдерживать даль»), например: *хъал вода* (идет там ввысь) и *хъалвода* (поднимается)).

Семантические различия между дейктиками *Лоа* (там ниже) и *Лов* (там дальше ниже) диахронически обуславливаются также фузийным процессом: внутриморфемным чередованием (дифтонга *-оа* и трифтонга *-оув*). Их структурно-семантическая изоморфность самостоятельным словам, с которыми они коррелируют, синхронно очевидна. Дериватемы подобного рода сродни автоматически присоединяемым служебным морфемам благодаря однозначности префиксоидов, отличающихся относительным фонематическим постоянством, дифференцирующих их от суффиксоидов.

Аффиксоиды второго типа – суффиксоиды в пределах словоформы, занимая постпозицию по отношению к корневой морфеме, экспонируют неоднозначную маргинальность.

Позиция аффиксоида, как нам представляется, обусловлена тема-рематическими отношениями пропозитивной ситуации (*кастталаи ха воал со* (я намереваюсь **узнать (изучить) скорости**)) как базовой для инноваций, которые исторически прошли стадию композитов (падежная форма существительного во мн. числе *кастталаи* в функции прямого дополнения (карадар) и *ха* (узнавать, изучать) – нефинитная форма предиката), прежде чем экстрадировали в зону аффиксоидов.

Коммуникативная регулярность функционирования двух сопредельных единиц (*хандош* (предиката) и *карадар* (прямого дополнения)) диахронически создает основание для идиоматизации отношений между компонентами пропозитива: вначале обозначается их маргинальность в ранге композитов (*эрсайха* (по-русски), *черсайха* (по-черкесски), *кастталаиха* (вскорости)), когда между составляющими композита и соответствующими автономными словами сохраняется формальный и семантический изоморфизм. Тематичность и регулярность употребления второй финальной, более короткой части композита есть основание для ее клитизирования в возникающем словосложении, что в целом обуславливает базу для запуска процесса идиоматизации. Идиоматизация различной степени [10, с. 46–67] есть показатель кумуляции грамматического деривационного значения дополняющего лексическую наполненность рематического компонента (*селаиха* (узнавать, изучать аварцев) – незавершенный процесс, *селаиха* (по-аварски) – результат, когда процесс изучения достигает возможности сравнивать;

аналогично: *эрмалош ха* (изучать армян), *эр-малошха* (по-армянски); *духъаш ха* (изучать истоки, начала) – *духъашха* (изначально)).

При коммуникативном измерении из двух компонентов инновации рематическим является первый компонент (*селаш-*, *эрсаш-*, *кастталаш-*, *духъаш-*), тематическим – второй, абстрагируемый пропозитивный *ха* (узнавать, узнать). Суффиксизация обычно подвергается тематический компонент, кумулирующий морфологическое значение. Происходит перераспределение семантики двух сопредельных автономных единиц. Аффигируемый компонент композита трансформируется в общий сегмент с гомогенным (однородным) деривационным значением (*-ха/по-*, *-ха/в-*). В зависимости от степени идеоматизации, связанной с абстрагированием и кумуляцией деривационной информации, подобного рода суффиксоиды исторически могут трансформироваться в «морфоиды» [9; 10].

Семантика зависимого рематического компонента (*эрсаш* (русские)) и тематического инфинитива (*ха* (узнавать, изучать)) сохраняет свое основное корневое значение и в составе композита. Сегментация словоформ подобного рода на корневые морфемы экспонирует известный изоморфизм формального и семантического членения [10], свойственный аддитивной модели.

Для аддитивной модели характерна прозрачность морфемных швов, поэтому для основной части подобного рода префиксоидных и суффиксоидных инноваций операция первого или «второго языкового членения» [16] не составляет трудности.

Маргинальность аффиксоидных образований ингушского языка синхронно очевидна: к корневой морфеме присоединяется в финальной части другой корень, регулярный при коммуникативном измерении в составе пропозиции, который, с одной стороны, изоморфен формально-семантически автономному слову, с другой – накапливает деривационное значение, придающее инновации новое общекатегориальное значение (наречия). Трансформация в плоскость наречия обусловлена прежде всего пропозитивной семантикой аффигируемого предикатива, его нефинитностью и финальностью в инновации (*ха* (изучать), *аха* (хаживать), *ла* (выдерживать, терпеть), *хъа* (двинуться)).

Семантический сдвиг самостоятельного слова в плоскость аффиксоида свойствен в

первую очередь языковым единицам постулированной семантики [12; 13] (ср.: *вала* (привыкнуть) – *волавала* (привыкнуть ходить), *ваха* (идти) – *когашваха* (приспособиться, привыкнуть)) с дифференцированными лексико-семантическими категориальными отношениями: полисемия и ее распад (*вала* (родиться), *вала* (появиться), *вала* (привыкнуть), *вала* (заключить)) [12; 14].

Исторически несколько факторов обуславливают трансформацию инфинитивного компонента в адverbную дериватему:

1) лексико-семантические категориальные изменения внутренней структуры языковых единиц постулированной и приобретенной семантики (*ха* (узнавать, знать) и *ха* (изучать); *ла* (терпеть) и *ла* (выдерживать), *а* (пространство) и *а* (в пространстве) и др.), приобретающих в составе композита служебную функцию:

2) диахроническая первичность относительно лексем приобретенной семантики;

3) возникновение инноваций прежде всего на базе языковых единиц постулированной семантики;

4) тематический характер инфинитива (*ха* (знать, узнавать, изучать), *ле* (говорить), *ла* (выдерживать), *ал* (лежать));

5) формальный критерий: краткость аффигируемого корня;

6) семантический критерий: функция предиката в составе пропозиции;

7) фиксированность (непереместимость) компонентов композита, на базе которого возникает инновация;

8) его нефинитность (неизменяемость);

9) постпозиционное расположение в составе композита;

10) просодемическая редукция тона, например, эллипсис акцентуации (степень краткости гласного звука).

Неизменяемость как самая сильная морфологическая характеристика наречных образований подобного рода обусловлена последними (7–10) факторами. Ослабление семантики вторых заключительных компонентов составной единицы (*кастталашха* (скоро) (букв. *кастталаш* (скорости), *ха* (знать, изучать)), *куралла* (из-за гордости) (букв. *курал* (гордость) и *ла* (выдерживать)) экстрагирует их в плоскость служебных морфем (аффиксов). Однако их синхронная корреляция с одноименными самостоятельными единицами квалифицирует данные морфемы в качестве аффиксоидов (суффиксоидов).

Литература

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983.
3. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. М. : Наука, 1983.
4. Климов Г.А. Фонема и морфема. М. : Наука, 1967.
5. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Его же. Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 57–70.
6. Курилович Е. Структура морфемы // Его же. Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 71–91.
7. Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962.
8. Лопатин В.В., Улуханов И.С. О некоторых принципах морфемного анализа слов (К определению сложного слова в современном русском языке) // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1963. Вып. 3. Т. 22. С. 190–203.
9. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1: Введение. Часть первая: Слово. Языки русской культуры. М.–Вена: Изд. группа «Прогресс», 1997.
10. Плуныян В.А. Общая морфология. Ведение в проблематику. М. : URSS, 2009.
11. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М. : Изд-во «КомКнига», 2007.
12. Тариева Л.У. Клитики как показатели именных классов в русском языке. Назрань : Изд-во «Пиллигрим», 2012.
13. Тариева Л.У. К вопросу о родстве наречий места и различных дейктиков в ингушском языке // Материалы региональной и научно-практической конференции «Вузовское образование и наука». Магас, 2011. Вып. 9. С. 34–37.
14. Тариева Л.У. Наречие в ингушском языке. Морфология. Lap Lambeert. Academic Publishing, 2012.
15. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
16. Martinet A. Elements de la linguistique. Paris: Golin, 1970.

* * *

1. Bondarko A.V. Grammaticheskaya kategoriya i kontekst. L. : Nauka. Leningr. otd-nie, 1971.
2. Bondarko A.V. Printsipy funktsionalnoy grammatiki i voprosy aspektologii. L. : Nauka. Leningr. otd-nie, 1983.
3. Klimov G.A. Printsipy kontensivnoy tipologii. M. : Nauka, 1983.

4. Klimov G.A. Fonema i morfema. M. : Nauka, 1967.
5. Kurilovich E. Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya // Ego zhe. Ocherki po lingvistike. M. : Izd-vo inostr. lit., 1962. S. 57–70.
6. Kurilovich E. Struktura morfemy // Ego zhe. Ocherki po lingvistike. M. : Izd-vo inostr. lit., 1962. S. 71–91.
7. Levkovskaya K.A. Teoriya slova, printsipy ee postroeniya i aspekty izucheniya leksicheskogo materiala. M., 1962.
8. Lopatin V.V., Uluhanov I.S. O nekotoryih printsipah morfemnogo analiza slov (K opredeleniyu slozhnogo slova v sovremennom russkomazykye) // Izvestiya AN SSSR. Otd-nie lit. i yaz. 1963. Vyip. 3. T. 22. S. 190–203.
9. Melchuk I.A. Kurs obschey morfologii. T. 1: Vvedenie. Chast pervaya: Slovo. Yazyki russkoy kulturyi. M.–Vena: Izd. gruppa «Progress», 1997.
10. Plungyan V.A. Obschaya morfologiya. Vedenie v problematiku. M. : URSS, 2009.
11. Stepanova M.D. Slovoobrazovanie sovremenno nemetskogo yazyika. M. : Izd-vo «KomKniga», 2007.
12. Tarieva L.U. Klitiki kak pokazateli imennyih klassov v russkom yazyike. Nazran : Izd-vo «Pilligrim», 2012.
13. Tarieva L.U. K voprosu o rodstve narechiy mesta i razlichnyih deyktikov v ingushskom yazyike // Materialy regionalnoy i nauchno-prakticheskoy konferentsii «Vuzovskoe obazovanie i nauka». Magas, 2011. Vyip. 9. S. 34–37.
14. Tarieva L.U. Narechie v ingushskom yazyike. Morfologiya. Lap Lambeert. Academic Publishing, 2012.
15. Shanskiy N.M. Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu. M., 1968.
16. Martinet A. Elements de la linguistique. Paris: Golin, 1970.

Function of suffixes in the process of speech creation

There is considered one of the affixes types that appear as the result of partial desemantization of the component of composition. There is shown how affixes take part in speech creation; it determines the productive type of derivation in the Ingush language.

Key words: *affix, suffix, proposition, derived theme, morphoid, additive model.*

(Статья поступила в редакцию 13.03.2013).